

Строганова Н. А.

(Московский государственный университет, Россия; nina.stroganova@mail.ru)

«ПИСЬМО У ЦЗИЧЖУНУ» ЦАО ЧЖИ — ПАНЕГИРИК ИЛИ ПАМФЛЕТ?

Аннотация: Статья посвящается рассмотрению «Письма У Цзичжуну»¹ («Юй У Цзинчжун шу», 与吴季重书), образца *цзяньаньской* эпистолографии, послания, которое Цао Чжи (曹植, 192–232 гг.)³ направил своему другу У Чжи (吴质). В статье содержатся перевод и анализ «Письма У Цзичжуну», ранее не становившегося объектом изучения в отечественной синологии. «Письмо У Цзичжуну» должно рассматриваться только в свете «Ответного письма к царевичу Дунъэ» («Да Дунъэ ван шу», 答东阿王书). «Письмо У Цзичжуну» анализируется как ораторская речь на письме. Анализ основывается на классических теориях риторики — главным образом, на теории риторики Аристотеля. В каждой из трех частей «Письма...» мы выделяем его предмет, тему, проблему, тезис, цель (элементы инвенции). Речь в «Письме...» — эпидейктическая и совещательная. «Топ о величине», т. е. преувеличение, работает на создание гротескно-сатирического эффекта.

Ключевые слова: Цзяньань, Цао Чжи, У Чжи, эпистолография.

Stroganova Nina

(Moscow State University, Russia; nina.stroganova@mail.ru)

LETTER TO WU JIZHONG BY CAO ZHI — A PANEGRIC OR A PAMPHLET?

Abstract: The focus of the article, *Letter to Wu Jizhong* (*Yu Wu Jizhong shu*, 与吴季重书), a sample of *Jian'an* epistolography, is a message sent by Cao Zhi (曹植, 192–232) to his friend Wu Zhi (吴质). The article contains the translation and analysis of *Letter to Wu Jizhong*, which has not been studied in Russian sinology yet. *Letter to Wu Jizhong* is to be

¹ У Чжи (吴质, 177–230), второе имя (цзы) — Цзичжун (季重), был сановником и литератором эпохи Троецарствия (220–280 гг.). Большая часть его произведений не сохранилась до наших дней; до нас дошли только два его ответных письма к Цао Пи, одно ответное письмо к Цао Чжи — все три произведения содержатся в антологии «Чжаоцин Вэньсюань» (昭明文选, «Литературный сборник») Сяо Туна (萧统); также сохранилось одно его стихотворение «Сыму ши» (思慕诗, «Думаю с уважением и любовью») — оно содержится в хронике «Саньго чжи» (三国志, «Записи о трех царствах»).

² «Юй У Цзичжун шу» (与吴季重书, «Письмо У Цзичжуну»).

«Письмо У Цзичжуну» Цао Чжи было впервые переведено на русский язык, прокомментировано и проанализировано в магистерской диссертации Строгановой Н. А. [1, с. 339–367]. Ранее оно не становилось объектом изучения в отечественной синологии. В данной статье, в силу ограниченности ее объема, нам не представляется возможным дать подстрочный комментарий произведения.

³ Цао Чжи (曹植, 192–232) — один из сыновей Цао Цао (155–220), основателя царства Вэй эпохи Троецарствия; покровитель, соратник и единомышленник «Семи Цзяньаньских мужей» 建安七子 (период Цзяньань, 建安: 196–220 гг.) — группы литераторов, творчеством которых было ознаменовано вступление китайской литературы в полосу Средневековья.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

considered only in the light of *Letter in response to Cao Zhi* by Wu Zhi (*Da Dong'e wang shu*, 答东阿王书). *Letter to Wu Jizhong* is analyzed as an oratorical speech in writing. The analysis is based on classical rhetorical theories, mainly on Aristotle's theory of rhetoric. In each of the 3 parts of the *Letter...* we highlight its subject, theme, problem, thesis, goal (elements of the *Inventio*). The oratory of the *Letter...* is epideictic and deliberative. "The *topos* of Size", i. e., exaggeration, contributes to the grotesque-satirical effect.

Keywords: Jian'an, Cao Zhi, Wu Zhi, epistolography.

«Письмо У Цзичжуну»⁴:

Чжи говорит:

I. (1) Милостивый государь Цзичжун. Третьего дня, несмотря на чиновничьи экзамены, [по итогам которых Вас направили в далекий уезд], [нам с Вами] удалось посидеть [на пиру] друг рядом с другом; хотя пир [и длился] весь день, [но ведь] разлуки [наши] долгие, а встречи редкие, [поэтому я] так и не поведал [Вам] о всех своих думах [о Вас]. **(2)** Сперва [осушили мы] винные чарки [до дна], а после [вкусили] музыку свирели; духом воспарили Вы, словно орел, а взор [Ваш] [стал подобен] [взору] феникса или тигра; ни Сяо, ни Цао не смогут сравниться с Вами, ни Вэю, ни Хо не под силу тягаться [с Вами]. Оглядываетесь по сторонам так, будто [не замечаете вокруг себя] никого, — разве не [в этом проявляются] Ваши высокие устремления? **(3)** Проходя мимо мясной лавки, глотаем слюни; пусть и не удастся отведать мяса, все равно испытываем радость. Тем временем желаем поднять [гору] Тайшань, как [кусочек] мяса, и опорожнить [море] Дунхай, как [чашу с] вином, [хотели бы] вырубить бамбук Юньмэна и изготовить [себе] флейты, повалить (катальповые) деревья Сышюя и смастерить [себе] цитры; яства [наши настолько обильны, что] заполнили бы собою глубокое ущелье, а [вино наше] льется [столь щедро], будто [никак не может наполнить] протекающие кубки [с вином]. Как же велика наша радость! Не это ли радость достойных мужей? **(4)** Время, однако, нам неподвластно, уж близок закат; миг встречи [столь мимолетен], словно отблеск лучей заходящего солнца, а пора разлуки бесконечна, как расстояние между [созвездиями] Шэнь и Шан. Хотел бы остановить шестерку драконов, [запряженных в солнечную колесницу], удерживать поводья [возницы] Сихэ, сломить [могучее дерево] *жому*, загородить долину [реки] Мэн. Небесные пути высоки, далеки; не суждено [нам] скоро увидеться [вновь]; думаю с тоской и любовью [о Вас]; ворочаюсь в постели [и не в силах заснуть]; как же [все это передать]!

II. (1) Получил Ваше письмо, изысканное и витиеватое. По [своей] пышности [оно] сравнится с весенней растительностью, по свежести — с прохладным ветерком, [я] читал [его] вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою. **(2)** Похоже, [Вы собрали] сочинения *совершенномудрых*, обдумывали и изучали [их], по

⁴ Перевод, комментарий, а также анализ текста были проделаны нами с опорой на следующий источник: Сяо Тун. *Вэньсюань* (Литературный сборник), *цзюань* 42. См. [2].

многу раз зачитывали [вслух], возможно, [даже] повелели низшим служащим, не чуждым занятий [словесностью], выучить [их] наизусть и [после этого] по памяти читать. Творить [же] трудно не только в наши дни. В древности *цзюньцзы* [страдали от] тех же болезней [творчества], [что и мы]. [Одни полагают, что у них] дома есть [кони, способные в день пробегать] тысячу *ли*, но не дорожат лихим скакуном; [другие считают, что у них] пазуха размером с *чи*, но [при этом] не ценят прекрасную яшму. (3) [Если] *цзюньцзы* несведущ в музыке, [то], как говорили в древности, он [хотя и] обладает знаниями, но пребывает в невежестве. Мо Ди не жаловал [этот вид] искусства; почему же, проезжая Чжаогэ, [он] повернул повозку назад? Вы музыку любите. [И ныне Вы] назначены правителем [того самого] уезда, [проезжая который] Мо Ди повернул свою повозку назад. (4) Надеюсь, что Милостивый государь поможет мне [широко] раскрыть [мои] глаза.

III. (1) Вновь слышал [я], что Вы там снискали славу [своей] ревностной службой. (2) Бывает, что [мы] не добиваемся того, к чему стремимся, [однако] не бывает, чтобы мы добивались, не стремясь. Если меняют колею на полпути, [то очевидно, что] повозкой правят не Лян и не Лэ; [если] обмениваются [простым] народом с целью установления порядка, [то ясно, что речь идет не о] принципах управления в Чу и Чжэн. [Смею] надеяться, что [на поприще чиновничьей службы] Вы проявите все Ваше усердие. (3) Теперь пришла пора встречать [мне] дорогих гостей, [а я] продиктовал [писцу] не все, [что хотел сказать]. [Надеюсь на более] частые встречи [с Вами], [а также на] [продолжение] переписки.

Цао Чжи сказал⁵.

Цао Чжи написал «Письмо У Цзичжуну» (*Юй У Цзичжун шу*, 与吴季重书) на 21-й год периода *Цзяньань*, т. е. в 216 г. В то время У Чжи, он же У Цзичжун, служил наместником в Чжаогэ (朝歌).

Поводом для написания письма послужил тот факт, что, когда У Чжи прибыл в столицу с коротким визитом, дабы доложить о службе, Цао Пи⁶ устроил дружеский пир в его честь.

«Письмо У Цзичжуну» должно рассматриваться только в контексте переписки Цао Чжи и У Чжи, в противном случае мы неизбежно придем к ложным выводам. Если рассматривать письмо вне этого контекста, оно может произвести впечатление дружеского послания, в котором Цао Чжи вспоминает радостные мгновения, разделенные им с У Чжи, отдает должное его выдающимся литературным талантам и административным способностям, а также выражает свои глубокие дружеские чувства к нему. Однако в свете ответного письма У Чжи к Цао Чжи — «Ответного письма к царевичу Дуньэ (*Да Дуньэ ван шу*, 答东阿

⁵ Перевод Строгановой Н. А. Деление текста на части, обозначенные римскими и арабскими цифрами, предлагается нами как вариант композиционного членения произведения. Обоснование данного подхода представлено далее в статье.

⁶ Цао Пи (曹丕) — старший брат и соперник Цао Чжи.

王书)⁷ — подобная трактовка послания Цао Чжи представляется принципиально ошибочной⁸. Поэтому далее мы будем неоднократно обращаться к «Ответному письму к царевичу Дунъэ» авторства У Чжи и всякий раз убеждаться в том, что Цао Чжи в своем письме к У Чжи на самом деле выражает презрение к тем, кто предаёт дружбу, насмехается над теми, кого считает бездарями, а также демонстрирует нетерпимое и бескомпромиссное отношение к людским порокам. Неудивительно, что У Чжи был этим письмом глубоко задет; будучи любимцем Цао Пи, он счел это письмо вдвойне для себя оскорбительным; более того, оно разожгло в нем ненависть к Цао Чжи, которая стала одной из причин его последующих неудач и несчастий Цао Чжи.

«Письмо У Цзичжуну» Цао Чжи представляет собой трехчастное послание: фактически оно состоит из трех писем, которые можно рассматривать как порознь, так и сообща. Все три письма, составляющие «Письмо У Цзичжуну», помимо общего названия, также связываются воедино общими преамбулой и постамбулой. Каждое из этих трех писем (макрочастей⁹ «Письма У Цзичжуну»), в свою очередь, можно разделить на микрочасти: выделить в каждом из них пролог, основную часть или основные части, эпилог¹⁰.

Преамбула «Письма У Цзичжуну» — «Чжи говорит».

Постамбула — «Цао Чжи сказал».

Как уже упоминалось выше и в чем мы убедимся далее, «Письмо У Цзичжуну» — письмо-обманка, письмо-ловушка, письмо-перевертыш.

Если мы соотнесем сочинение с древнегреческим эпистолярным трактатом «Типы писем», то получится, что письмо I — «дружеское», «хвалебное», письмо II — «дружеское», «хвалебное», «объяснительное», «просительное», а письмо III — «дружеское», «вразумляющее», «объяснительное»; однако при соотнесении с тем же трактатом произведение в своей целостности окажется «хулительным», «обвинительным», «ироническим» и, конечно же, «иносказательным». Кстати, в античности, особенно греческой, многие письма, не дружеские по сути, были исключительно дружескими по своему виду — это был прием, рассчитанный на то, что «дружественное письмо не встретит возражений» [5, с. 10].

В соответствии с эпистолярной классификацией, разработанной Цицероном [5, с. 15–16], письма I, II, III по своему тону производят впечатление «интимных», по отношению автора письма к адресату — «личных», по содержанию — «дружеских». На самом же деле содержание «Письма У Цзичжуну» отнюдь не приватного свойства; письмо нельзя назвать и по-дружески шутливым — оно по меньшей мере ироническое, скорее сатирическое, даже саркастическое.

⁷ Текст письма и комментарий к нему были нами почерпнуты из следующего источника: Сяо Тун. *Вэньсюань* (Литературный сборник), *цзюань* 42. См. [2].

⁸ На эту мысль, помимо собственно первоисточника, нас также навела следующая статья: [3].

⁹ Макрочасти мы помечали римскими цифрами, микрочасти — арабскими.

¹⁰ Эпистолярная терминология (преамбула, постамбула и т.п.) была заимствована нами из следующей монографии: [4].

По византийскому риторическому трактату о стилях писем, приписываемому в более поздних изданиях Проклу или Либанию [5, с. 23–24], письмо I может быть квалифицировано как «дружеское», «похвальное», «жалобное», письмо II — как «дружеское», «похвальное», «ободряющее», «заявляющее», «просительное», письмо III — в точности как II. На самом же деле «Письмо У Цзичжуну» является «обманчивым», «насмешливым», «обличительным», «пренебрежительным», возможно, даже «оскорбительным». Лейтмотив всего письма — насмешка, и самое красноречивое тому подтверждение — «Ответное письмо к царевичу Дуньэ».

Итак, рассмотрим первую макрочасть «Письма У Цзичжуну» (или, как мы говорили ранее, первое из трех писем, объединенных общим названием).

По всем внешним признакам перед нами — своего рода анакреонтическое послание, посвященное У Чжи как другу. Эта макрочасть «Письма У Цзичжуну», то есть письмо I, открывается прологом (1), представляющим собой функционально-художественную часть. Он начинается с благожелательного обращения к адресату и служит актуализации дружеских взаимоотношений. Казалось бы, здесь содержатся мотивы пира, дружеской привязанности, разлуки с другом; однако в свете жизненных обстоятельств Цао Чжи и У Чжи¹¹, а также ответного письма У Чжи к Цао Чжи эти мотивы приобретают совсем иное прочтение. На фоне событий, реально имевших место, трактовка мотивов, заключенных здесь, такова: Цао Чжи сетует на скудость, отсутствие или даже невозможность дружеского общения.

Известно, что У Чжи с юности был в равной степени дружен и с Цао Пи, и с Цао Чжи. Однако приблизительно после того, как Цао Пи был назначен на пост *угуань-чжунланицзяна*¹², У Чжи всецело отдался его покровительству, в частности стал его верным соратником и помощником, в том числе и в борьбе за власть.

Вероятно, пир, на который ссылается Цао Чжи, состоялся на 19-й год эры *Цзяньнань*, т. е. в 214 г. Как раз к тому времени борьба между братьями Цао за власть стала особенно острой. Поэтому немногословность Цао Чжи и У Чжи при встрече представляется вполне естественной.

Речь в прологе (1) идет о том, что, хотя Цао Чжи и У Чжи и сидели друг рядом с другом на пиру, однако чувство взаимного отчуждения, а также сосредоточенность каждого на своих чаяниях (Цао Чжи мечтал унаследовать трон, а У Чжи, который в то время служил наместником в Чжаогэ, — вернуться в столицу) не способствовали общению.

За прологом (1), то есть первой частью, следует вторая часть (2), которая является уже не функционально-художественной, а чисто художественной. Казалось бы, она содержит мотивы радости совместного времяпрепровождения с другом, превознесения его достоинств, но в действительности здесь заклю-

¹¹ Здесь и далее сведения о жизни Цао Чжи — [2], *цзюань* 42; [3]; [6], *цзюань* 19; У Чжи — [2], *цзюань* 42; [3]; [6], *цзюань* 19, 21.

¹² *Угуань-чжунланицзян*, 五官中郎将 — начальник дворцовой стражи.

чен мотив осмеяния спесивого и надменного поведения У Чжи, его чванливых манер. Сатира и даже сарказм Цао Чжи вызваны тем, что У Чжи, сблизившись с Цао Пи и почувствовав себя сопричастным власти, стал держаться высокомерно. Из письма У Чжи к Цао Чжи становится доподлинно известно, что сам пир и все происходящее на нем — танцы, музыка, декламация стихотворений (*ши*, 诗) и сочинение од (*фу*, 赋) — мало интересовали У Чжи, однако, дабы угодить своему патрону, то есть Цао Пи, он был вынужден откликнуться на приглашение. Тем временем присутствующие на пиру литераторы, включая Цао Чжи, Ван Цаня и других *цзяньваньских* мужей, не удостоились внимания У Чжи.

Из всех сохранившихся до наших дней произведений той эпохи мы не найдем ни одного литературного посвящения — ни поэтического, ни прозаического — ни от У Чжи к «Семи *цзяньваньским* мужам», ни наоборот. У Чжи был убежден, что они ему не ровня. В своем послании к Цао Пи — в «Ответном письме вэйскому *тай-цзы*» (*Да Вэй тай-цзы шу*, 答魏太子笺) — У Чжи пишет:

Все эти сыны годятся [на то, чтобы] состоять в [Вашей] свите, и этот человек (Ван Цань)¹³ поистине тоже. Даже если на границах неспокойно, слуги ропщут, военные донесения прибывают отовсюду, со всех сторон бьют боевую тревогу, то при всех их талантах им со [все]м этим не справиться¹⁴.

По убеждению У Чжи, все *цзяньваньские* мужи, включая Ван Цаня и Цао Чжи, способны лишь вести праздные беседы и беззаботно проводить время, но совершенно не в состоянии справляться со сложными задачами государственного масштаба.

За второй микрочастью (2) письма I следует третья микрочасть (3), которая закрывает основную часть письма I.

Внешние мотивы (3) — мотивы пира, радости, совместного пребывания друзей, а внутренние — мотивы высмеивания лизоблюдства, тщеславия, непомерной чванливости У Чжи даже на дружеском пиру.

Как мы видим, в (3) Цао Чжи вновь позволяет себе колкость в адрес У Чжи: язвит по поводу его положения протезе при Цао Пи, его стремления продвигаться по служебной лестнице, его жажды должностей и почестей.

У Чжи в «Ответном письме к царевичу Дунъэ» сетует на свое худородное происхождение, рассуждает о том, что, если бы не благосклонность Цао Пи, он никогда не был бы вхож в семью Цао, никогда не сделал бы карьеру при дворе, не удостоился бы чести быть рядом с лучшими представителями своей эпохи. Также он упоминает об одной своей оплошности, которая едва не стоила ему опалы: «Правила этикета были [мною] попорчены, в речах [моих] тайное сделалось явным»¹⁵. Этот инцидент датируется около 16 г. периода *Цзяньвань*, т.е. 211 г.

¹³ По расхожему мнению, Ван Цань был самым ярким поэтом из этой поэтической плеяды.

¹⁴ См.: [2], *цзюань* 40. Перевод Строгановой Н. А.

¹⁵ См.: [2], *цзюань* 42. Перевод Строгановой Н. А.

В «Записях царства Вэй» сопоставляются два эпизода, произошедшие примерно в одно и то же время (см. [6], *цзюань* 21): Лю Чжэнь был заточен Цао Цао в темницу за то, что осмелился посмотреть прямо в глаза Чжэнь-хоу (甄后), наложнице Цао Пи, а У Чжи за свои необдуманные речи был наказан ссылкой — был отправлен наместником в Чжаогэ.

Такова основная часть письма, за которой следует эпилог (4).

При поверхностном ознакомлении с эпилогом (4) может показаться, что здесь выражены мотивы быстротечности времени, разлуки с другом, тоски по нему. Однако при более пристальном рассмотрении становится ясно, что здесь Цао Чжи посмеивается над У Чжи, который, находясь в «ссылке» в Чжаогэ, жаждал возвратиться в столицу, однако никак не мог повлиять на отмену решения о своей командировке. Поскольку на должность наместника в Чжаогэ У Чжи был назначен самим Цао Цао, даже Цао Пи не мог ничего этому противопоставить.

Таково письмо I. Среди средств художественной выразительности — прямое обращение к адресату, антитеза, сравнения и ряды сравнений, риторические вопросы, ряды метафор и экспрессивное восклицание.

Письмо II напоминает, по крайней мере в начале, панегирическое послание, посвященное У Чжи-литератору. Письмо II, как и письмо I, состоит из четырех микрочастей, однако, в отличие от письма I, пролог и эпилог в II вычленяются из «тела» письма менее отчетливо; кроме того, они скорее художественны, нежели функциональны.

В прологе (1), дабы восстановить прерванную нить коммуникации, Цао Чжи ссылается на полученное от своего эпистолярного собеседника письмо. Он формально соблюдает этикетные правила — превознося эпистолярные способности собеседника, принижает свои [4, с. 134], — что воспринимается в данном случае как шпилька, как вдвойне острая издевка. Кстати, если говорить об этикете, то он предписывал автору посетовать на неполноту и несовершенство собственного письма [4, с. 136]. Этому неписаному правилу Цао Чжи отдает дань в конце письма III.

За прологом (1) следует вторая микрочасть (2), которая открывает основную часть письма.

Письмо II, как и письмо I, при поверхностном рассмотрении вводит читателя в заблуждение. Казалось бы, в (1) и (2) заключены мотивы литературной одаренности У Чжи, его искусности в эпистолярном общении, мотив восхищения мудростью друга, мотивы творчества и творческих мук. Однако при более пристальном изучении этих микрочастей оказывается, что содержащийся здесь мотив — мотив презрительного отношения к бездарности. Здесь Цао Чжи потешается над У Чжи, завуалированно обличая никчемность его сочинений. Задействованный в начале письма II, равно как и во всем «Письме У Цзичжуну», «топ о величине» [7, с. 209], то есть гипербола, только добавляет остроты завуалированным выпадам Цао Чжи.

Чуть далее, в (1) и (2) письма II, Цао Чжи заявляет, что литературное творчество отнюдь не простое занятие, поэтому вполне естественно, что оно и под-

властно не каждому, — Цао Чжи как бы намекает на то, что У Чжи, пусть и не силен в изящной словесности, не должен чересчур печалиться по этому поводу. Подобные речи только производят впечатление утешительных, в действительности же являются даже не ироническими, а самыми что ни на есть саркастическими. Едва ли У Чжи не понял истинного смысла речей Цао Чжи: в «Ответном письме к царевичу Дунъэ» он дает понять собеседнику, что отдает себе отчет в отсутствии у себя литературного таланта. Однако в этом же письме он излагает и свою точку зрения на подлинное назначение художественного творчества: по его глубокому убеждению, в древности *цины* и *дафу*¹⁶ слагали *фу* и *ши* в военных, политических целях, что и придавало этим произведениям значимость и важность; в его же время поэты (преимущественно поэты-чиновники) декламируют оды и распевают стихи лишь для услаждения слуха, приятного времяпрепровождения, что делает эти сочинения бесполезными и ненужными. За этими словами У Чжи кроется его пренебрежительное отношение как к Цао Чжи, так и к его друзьям-поэтам.

Далее следует третья микрочасть (3), замыкающая основную часть письма II, а за ней — четвертая микрочасть (4), являющая собой эпилог.

На первый взгляд, в (3) и (4) заключены мотивы истинного знания, подлинного искусства, на самом же деле — мотив профана и дилетанта, мнящего из себя знатока и ценителя.

Здесь Цао Чжи язвит по поводу того, что У Чжи ничего не смыслит в музыке. В отличие от большинства ечэнских¹⁷ интеллектуалов того времени, У Чжи был довольно низкого происхождения; соответственно, его уровень общей образованности не мог сравниться с их уровнем. Его участие в светских прогулках, которые знать совершала на досуге, было вызвано желанием угодить Цао Пи и стремлением повысить свой общественно-политический статус; в действительности же к танцам, пению, пирам — внешним атрибутам придворной жизни — У Чжи был совершенно равнодушен. В «Ответном письме к царевичу Дунъэ» У Чжи писал, что, по его глубокому убеждению, преклонение конфуцианцев перед церемониалом, освященной древностью классической культурой и искусствами не имеет никакого практического применения и поэтому бесполезно; ранее приверженность конфуцианцев к ненужной и даже тлетворной, с его точки зрения, «мишуре» критиковал Моцзы. Моцзы, прибыв в верный конфуцианским традициям уезд Чжаогэ, не пожелал там задержаться, а У Чжи, как мы узнаем из источников, став правителем области, отказался от соблюдения принципов конфуцианского учения — по крайней мере, его внешних и формализованных проявлений¹⁸.

Таково письмо II, среди средств художественной выразительности которого мы можем назвать обращение к адресату, сравнение, сравнение-уподобление, гиперболы, антитезы, риторический вопрос.

¹⁶ *Цины* (卿) и *дафу* (大夫) — две категории высокопоставленных сановников.

¹⁷ Ечэн (郢城) — столица.

¹⁸ См.: [2], *цзюань* 42; [3, с. 155].

Обратимся к письму III. Оно представляет собой наставительное, дидактическое послание У Чжи-чиновнику. Письмо открывается прологом, или микрочастью (1). За ней следует основная часть, или микрочасть (2).

При беглом прочтении может показаться, что здесь заключены мотивы ревностной чиновничьей службы, а также выбора грамотной управленческой стратегии, однако при более глубоком погружении в текст становится понятно, что мы имеем дело с мотивом насмешки. Цао Чжи здесь вновь пускает шпильку в адрес У Чжи: при нескромных притязаниях У Чжи его достижения весьма скромны. Действительно, если судить формально, то очевидно, что должность наместника в небольшом уезде и четырехлетнее пребывание в захолустье вряд ли говорят о недюжинных способностях У Чжи. В «Ответном письме к царевичу Дунъэ» У Чжи, желая объясниться, пишет, что «недостаточно [лишь быть членом] военного отряда, чтобы прославиться; недостаточно полшага, чтобы разбежаться»¹⁹, т. е. напрямую указывает на стесняющие его обстоятельства. Также У Чжи парирует колкие замечания Цао Чжи по поводу опрометчивой смены колеи на полпути, пристрастного отношения к скакуну, способному пробегать тысячи *ли*, при этом трактуя эти замечания на свой лад — обращая свои, в интерпретации Цао Чжи, недостатки в свои, по собственному мнению, преимущества. И в конце письма У Чжи добавляет, что сила мартышки в том, что она чересчур полагается на свои ловкость и проворность, ведь иные способности у нее отсутствуют²⁰.

Закрывает письмо III и в целом «Письмо У Цзичжуну» (если не считать постамбулу, о которой уже было сказано выше) эпилог письма III, он же — его третья микрочасть (3). Может показаться, что здесь заключены мотивы нехватки дружеского общения, ожидания скорой встречи с другом или же весточки от него; на самом же деле Цао Чжи здесь выражает свое в высшей степени прохладное отношение к У Чжи.

Речь в «Письме У Цзичжуну», которое, к слову, предоставляет нам и исторический материал, — эпидейктическая, причем в двух ее аспектах: по виду, по форме оно хвалебное, а по сути, по содержанию — хулительное. Также речь в письме можно назвать и эпидейктическо-совещательной, так как похвала и совет в некоторой степени смежны: «похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то самое делается похвалой, раз изменен способ выражения» [7, с. 115]. Как уже указывалось выше, в письме доминирует «топ о величине», поскольку «преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим» [7, с. 117]. А преувеличение работает на создание гротескно-сатирического эффекта: например, Цао Чжи пишет в письме У Чжи, что, «ни Вэю, ни Хо не под силу тягаться [с Вами]». Кстати, Аристотель писал, что «следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что, если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от это-

¹⁹ См.: [2], *цзюань* 42; перевод Строгановой Н. А.

²⁰ Там же.

го выиграют» [7, с. 117]. Вряд ли Аристотель предполагал, что подобный прием будет использоваться для усиления комического эффекта. Однако, если принимать во внимание тот факт, что обида Цао Чжи вызвана по сути предательством У Чжи (У Чжи, до поры до времени не делавший различия между братьями Цао, в определенный момент из конъюнктурных соображений предпочел старшего брата младшему), можно выдвинуть смелое допущение, что Аристотель понял бы Цао Чжи, ведь он неоднократно подчеркивал, что «[мы любим] тех людей, которые сильно привязаны к своим друзьям и не покидают их» [7, с. 172].

Для полноты описания «Письма У Цзичжуну» в целом и трех писем, входящих в его состав, выделим в них коммуникативные узлы²¹. В письме I предмет эпистолярной речи — У Чжи, тема речи — У Чжи как друг, проблема — предпочтение карьеры дружбе, тезис — никудашность У Чжи как друга, цель — насмешка. В письме II предмет речи — У Чжи, тема — У Чжи как литератор, проблема — литературно-художественная одаренность, тезис — никчемность У Чжи как литератора, цель — насмешка. В письме III предмет речи — У Чжи, тема — У Чжи как чиновник, наместник, проблема — принятие спорных решений по вопросам управления, тезис — бесполезность У Чжи на посту слуги государева, цель — насмешка.

Итак, «Письмо У Цзичжуну» — письмо-обманка: будучи дружеским, приветливым, доброжелательным по форме, оно является враждебным, язвительным, насмешливым по содержанию. Цель, вероятно преследуемая Цао Чжи, — в завуалированной, игровой, бесспорно коварной форме вернуть У Чжи с лихвой все обиды, которые он нанес Цао Чжи. Конечно, в связи с этим было бы любопытно подробно рассмотреть ответное письмо У Чжи к Цао Чжи, но это уже материал для отдельного исследования.

Литература

1. *Строганова Н. А.* Литературное послание в Китае на рубеже Древности и Средних веков: дис. ... магистра востоковедения и африканистики. М.: ИСАА МГУ, 2018.
2. 萧统. 昭明文选. 卷40、42. [Сяо Тун. Литературный сборник *Вэньсюань*. Цзюань 40, 42]. (На кит. яз.). URL: <http://www.guoxuedashi.com/a/777weiw/> (дата обращения: 23.08.2020).
3. 邢培顺. 曹植与吴质交恶考辨——以对曹植“与吴季重书”的解读为中心 // 山东大学学报 (哲学社会科学版). 2010. 第4期. 页152–156. [Син Пэйшунь. Изыскания на тему того, как Цао Чжи и У Чжи стали врагами, — с опорой на реинтерпретацию «Письма У Цзичжуну» // Шаньдун дасюэ сюэбао. 2010. № 4. С. 152–156]. (На кит. яз.). URL: <http://www.2.newsmth.net/bbsanc.php?path=%2Fgroups%2Fsystem.faq%2FP.Lycurgus%2FPersonal%2Fbenben1984%2Farticle%2Fnote%2FM.1322229401.m0&ap=6897> (дата обращения: 23.08.2020).
4. *Richter A.* Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China. Seattle: University of Washington Press. 2013.

²¹ Здесь мы оперируем понятиями предмета, темы, проблемы, тезиса, цели и идеи как терминами риторики. См.: [8, с. 34–42].

5. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1967. С. 5–26.
6. 陈寿. 三国志, 魏书. 卷19、21. [Чэнь Шоу. Записи о трех царствах Сань го чжи, Хроника царства Вэй Вэй шу. Цзюань 19, 21]. (На кит. яз.). URL: <http://www.guoxuedashi.com/a/5tzzu/> (дата обращения: 23.08.2020).
7. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.
8. Хазазеров Г.Г., Лобанов И. Б. Риторика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

References

1. Stroganova N. A. *Literary Message in China at the Turn of the Antiquity and the Middle Ages*. Thesis... Master of Oriental and African Studies. Moscow, IAAS MSU, 2018. (In Russian)
2. Xiao Tong. *Selections of Refined Literature*. *Juan* 40, 42. URL: <http://www.guoxuedashi.com/a/777weiw/> (accessed: 23.08.2020). (In Chinese)
3. Xing Peishun. A Study on How Cao Zhi and Wu Zhi Became Enemies: Based on the Reinterpretation of Cao Zhi's to 'Wu Jizhong'. *Shandong Daxue Xuebao*. 2010. No. 4. P. 152–156. URL: <http://www.2.newsmt.net/bbsanc.php?path=%2Fgroups%2Fsystem.faq%2FP.Lycurgus%2FPersonal%2Fbenben1984%2Farticle%2Fnote%2FM.1322229401.m0&ap=6897> (accessed: 23.08.2020). (In Chinese)
4. Richter A. *Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China*. Seattle, University of Washington Press, 2013.
5. Miller T. A. Antique Theories of Epistolary Style. *Antique Epistolography* / Ed. by M. E. Grabar' -Passek. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 5–26. (In Russian).
6. Chen Shou. *Records of the Three Kingdoms, the Book of Wei*. *Juan* 19, 21. URL: <http://www.guoxuedashi.com/a/5tzzu/> (accessed: 23.08.2020). (In Chinese)
7. Aristotle. *The Poetics. The Rhetoric*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017. (In Russian)
8. Khazagerov G. G., Lobanov I. B. *The Rhetoric*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2004. (In Russian)